

УДК 94:631.243.32(47+57)*17/18*

ХЛЕБНЫЕ ЗАПАСНЫЕ МАГАЗИНЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

П.П. КОТОВ

*Сыктывкарский
государственный
университет*

e-mail: kotovpetr55@mail.ru

На основе законодательных актов прослеживается появление в России сельских хлебных запасных магазинов, создаваемых на случай неурожая. Выявляется, что они формировались длительное время, приобрели относительно четкие очертания системы лишь в конце 1820 – начале 1840-х годов и имели заметную специфику функционирования у разных податных сословий страны.

Ключевые слова: неурожай, запасные хлебные магазины, хлебные сборы, хлебный капитал, продовольственный капитал, общественная запашка.

Большим бедствием для России были неурожайные годы. Особенно тяжело они сказывались в период господства феодальных отношений, когда главную сферу экономики страны представляло сельское хозяйство и его основа – земледелие. Для простых граждан недородные годы несли потенциальную, нередко – прямую опасность массовых голодовок. Для господствующего класса и государственной власти возрастала вероятность бунтов, несвоевременной выплаты податей, увеличения смертности и других тяжелых последствий. Основные старания государственная власть направляла на создание продовольственных резервов, стержневым костяком которых стали сельские хлебные запасные магазины. Они появляются в России в XVIII веке и просуществовали до революции 1917 года. Однако, в научных трудах как обобщающего, так и регионального характера сохраняются лишь отдельные упоминания о существовании этого явления¹. По сути сведения о хлебных магазинах ограничиваются исследователями материалами из энциклопедических дореволюционных изданий. Поэтому изучение создания и функционирования сельских хлебных запасных магазинов является актуальным. Без изучения этого сюжета история крестьянства России XVIII – начала XIX века, да и страны в целом остается неполной.

Вопросы истории возникновения и эволюции системы хлебных запасных магазинов не оценены даже с точки зрения информационных возможностей законодательства России. Между тем, таковое вполне доступно для исследователей и по выдвинутой проблеме в полной мере опубликовано в Полных собраниях законов Российской империи². Оно представлено указами верховной власти и высших органов управления. Эти документы и будут в центре анализа в предлагаемой работе.

По мере укрепления и совершенствования институтов государственного управления России на проблему неурожая все чаще обращалось внимание, в том числе и со стороны верховной власти. Так, с эпохи Петра I постепенно выстраивается система ежегодных отчетов о посевах, урожаях и обеспеченности населения своими хлебами в регионах. С начала XIX в. стали требовать еще и сведения «о всходах и произрастании хлебов»³. Таким образом, власть пыталась оценивать ресурсы и вовремя реагировать на возникающие проблемы с обеспечением продовольствием населения на местах. Эта реакция иногда выражалась в действиях, которые применяются и в современной России. В 1798 г., например, в связи с плохим урожаем приостановили отправку хлеба из Архангельской гу-

¹ История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. Т. 3. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVIII в. – 1861 г.). М., 1993; История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994; История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984 и др.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (ПСЗ РИ – 1). Т. I – VI. СПб., 1830; Собрание Второе (ПСЗ РИ – 2). Т. I – VI. СПб., 1830–1884.

³ См., подробно: Котов П.П. Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия XVIII – XIX вв. // История государства и права. 2010. № 22. С. 12–14.

бернии за границу «доколе будет сие нужно»⁴. Предпринимались и меры, которые носили комплексный характер воздействия на земледельческое производство. Но их конечной целью являлось стремление обеспечить более стабильный и высокий уровень земледелия. К таким мерам относилось создание в 1765 г. Вольного экономического общества, призванного, в том числе обобщать и распространять передовые для своего времени приемы обработки земли, агротехнические «новшества», орудия труда и другие способы увеличения эффективности сельского хозяйства. Не без воздействия влиятельных и активных его представителей правительство пыталось внедрять новые земледельческие культуры. Наиболее масштабно это проявилось при распространении картофеля. В том же 1765 г. был опубликован указ и «Наставления» Сената о разведении картофеля⁵. После многолетних тщетных усилий правительство Николая I ввело с 1842 г. обязательную его посадку на крестьянских полях⁶.

В течение времени укреплялось мнение о введении прямых мер для преодоления недородов. Еще в 1718 г. принималось решение «о заведении хлебных запасов для вспоможения поселянам в случае недостатка хлеба от неурожая и других несчастных приключений бывающих»⁷. В связи с неурожаями 1723 и 1724 годов необходимость формирования хлебных запасов актуализируется. Для начала предпринималась попытка организации учета ситуации с продовольствием в стране. В 1723 г. Петр I приказал «в Камер-коллегии учинить Контору и придать к ней Особого человека, который бы всегда мыслил и доносил о магазинах Государственных и о прочих, каким образом, во время недорода, народ довольствоваться...»⁸. В январе следующего года царь определил «места нужным магазинам: 1) Петербург, 2) Рига, 3) на Дону, 4) на Днепре или Десне, 5) в Смоленске, 6) в Астрахани; главные из сих 1, 2, 3, прочие меньше». С другой стороны, он повелел: «Учинить экономии Генерального, которого должность первая над хлебом, чтоб везде запасной был, дабы в неурожайные годы народ голоду не терпел». Петр I не скрывал заимствования опыта европейских стран, который следует приспособить к условиям России. В частности, в том же законе 1724 г. указывалось, что «сию должность (Генерального – К.П.) взять из иностранных Уставов, и к тому свое прибавить и предложить»⁹. Однако дальнейших четких разъяснений по практической реализации создания зерновых запасов не последовало. Великий реформатор вскоре скончался, и многие его начинания, в том числе по организации хлебных резервов, не получили развития.

Затем верховная власть России довольно длительное время не издавала общегосударственных нормативов по формированию хлебных резервов. В этом направлении, правда, отдельные, разрозненные усилия предпринимались в некоторых регионах, как правило, по результатам «недородных лет». Известно, что в 1734 г. местные органы власти пытались создать запасные хлебные магазины в Смоленской губернии, в 1749 г. – в Архангелогородской губернии. Данные попытки не получили развития и необходимого воплощения на практике.

К идее создания зерновых запасов вновь вернулись после кончины императрицы Елизаветы I. В указе Сената от 14 февраля 1761 г. было обращено внимание, что в периоды «неурожая хлеба, цена оному была чрезвычайно велика» и зерна «поселяне многие на посев не оставили». В результате возникали опасные для феодального государства ситуации, когда население империи «в казенных платежах великие недоборы приключили». Поэтому законодатель предписал «иметь в запасе хлеб на годичное продовольствие и на будущий посев ... у помещиков, в Дворцовых, Синодальных, архиерейских и монастырских вотчинах, и кто б деревни не имел, и у однодворцев»¹⁰. Обязав владельцев самим позаботиться о своих крестьянах, государство планировало за счет казны «хлебные магазины завести во всех городах». В именном указе от 20 августа 1762 г. Екатерина II

⁴ ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 18445. С. 169.

⁵ Там же. Т. XVII. № 12406. С. 141-148.

⁶ ПЭС РИ – 2. Т. XVII. № 15296; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 12. Д. 1206. Л. 2-2 об.; Д. 1454. Л. 28 об.

⁷ ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 19203. С. 896.

⁸ Там же. Т. VII. № 4175. С. 27.

⁹ Там же. № 4420. С. 204-205.

¹⁰ Там же. Т. XV. № 11203. С. 648-649.

объясняла предполагаемые шаги тем, «дабы всегда цена хлеба в Моих руках была»¹¹. Этот закон остался на бумаге. На его исполнение требовались большие средства, каковых правительство страны не могло себе позволить.

Да и сенатский указ от 14 февраля 1761 г. долгое время не имел практических последствий. В нем отсутствовали «точные правила» его реализации и контроля над исполнением. Лишь после секуляризации церковных владений новое ведомство – Коллегия Экономии первым из органов исполнительной власти отреагировало на четырехлетней давности закон. 10 марта 1765 г. Коллегия Экономии издала для своих крестьян распоряжение «во всякой деревне иметь годовой запас хлеба, перемежая оный ежегодно свежим», не уточняя порядок его реализации. Лишь в «Наставлении Экономическим Правлениям» от 4 апреля 1771 г. впервые говорилось о создании «запасных хлебных магазинов», которые следовало «наполнять (ежегодным – К.П.) сбором с каждой души при хорошем урожае по полчетверику¹², а при посредственном в полы»¹³. И это «Наставление» в части формирования хлебных запасов не получило практического продолжения. Ведь вновь не прояснялись нормы и правила строительства и содержания «запасных хлебных магазинов».

Подобные «неясности» остались и при введении «хлебной подати» по указу от 23 июня 1794 г. По нему в 18 губерниях России с каждой ревизской души вводился ежегодный взнос по 15 коп. ассигнациями (далее – асс.) и четверику ржи. Предусматривался и сбор крупы: в казенной деревне по одному гарнцу, в помещичьей деревне – полгарнца с души. В других 6 губерниях страны законодатель ограничился только «хлебными сборами» в размере 2 четвериков ржи и 1 гарнца круп с ревизской души. В остальных 17 губерниях хлебные сборы отсутствовали¹⁴. В четырех из последних по закону от 8 октября 1796 г. «хлебная подать» все-таки была установлена. Однако, вскоре по указам от 10 и 18 декабря 1796 г. все учрежденные натуральные хлебные взносы с крестьян заменялись денежными сборами из расчета «по 15 копеек за каждый четверик»¹⁵.

Более основательно правила введения и содержания «сельских запасных хлебных магазинов» были прописаны в «Учреждении об императорской фамилии» от 5 апреля 1797 г. По этому законодательному акту в России оформлялась новая категория сельских жителей – удельные крестьяне. В законе указывалось, что «для отвращения могущего случиться от недорода хлеба недостатков» при каждом удельном приказе «надлежит учредить запасный хлебный магазин». Удельные крестьяне избирали из своей среды старост, которые отвечали за должное устройство и поддержание строений этих магазинов, своевременный и полный сбор хлеба с крестьян и «правильное распоряжение запасами». Хлебный сбор учреждался в объеме 0,5 пуда ржи с 1 десятины (далее – дес.) посева озимых и «10 фунтов овса и толико же число гречи». Надлежало «продолжать сей сбор безостановочно, не смотря на количество хлеба, в магазине хранящегося». Через каждые 2 года «старый» хлеб следовало продавать и покупать или менять на «новый». Зерно можно было выдавать «в займы на пропитание и на посев» только удельным крестьянам, но не менее 4 пудов «на заемщика»¹⁶.

Пример удельной деревни послужил образцом для дальнейшего законотворчества верховной власти. Она начала выстраивать систему мер, призванную нивелировать последствия неурожая. При этом государство окончательно отказалось от непосредственного участия в ее создании и финансовых затрат. Они перекладывались на сельских и городских тружеников. По сути, вводилась новая государственная подать.

По закону от 7 августа 1797 г. произошло разделение «казенных сел на волости». Одновременно, по аналогии с удельной деревней, в каждой казенной волости предписы-

¹¹ ПСЗ РИ – 1. Т. XVI. № 11649. С. 57.

¹² До конца XIX в. зерновые хлеба в России измерялись в мерах объема. Наиболее крупной мерой являлась четверть. Она обнимала 8 четвериков или 64 гарнца (соответственно в четверик входило 8 гарнцев). Весовое содержание этих мер заметно различалось по разным родам хлебов. Так, вес четверти пшеницы или озимой ржи варьировался вокруг 8 пуд., ячменя – 7 пуд., и овса – 6 пуд.

¹³ ПСЗ РИ – 1. Т. XXV. № 19203. С. 896.

¹⁴ Там же. Т. XXIII. № 17222. С. 530-531.

¹⁵ Там же. Т. XXIV. № 17628. С. 226; № 17661. С. 244.

¹⁶ Там же. № 17906. С. 525-569.

валось создать запасной хлебный магазин¹⁷. При исполнении данного закона местные чиновники не проявили необходимого «радения». Это и подтвердил запрос, оформленный в виде указа Сената от 20 марта 1798 г.¹⁸. Поэтому 29 ноября 1799 г. Павел I подписал еще один закон, который более четко регламентировал правила создания запасных хлебных магазинов в казенной и помещичьей деревне и усиливал ответственность за них невыполнение. Хлебные магазины следовало «устроить» в селениях, «где не менее 50 дворов, где нет, соединить селения». В «местах безлесных» до постройки «магазинов» разрешалось «сохранять запасной хлеб, как там по введенному жителями обыкновению сохраняется, как то: в ямах и даже немолочный в скирдах». Законодатель требовал ввести строгий учет зерна, своевременно обновлять его и «накопить (в магазинах – К. П.) по 3 четверти ржи и 3 четверика ярового овса или ячменя» на каждую ревизскую душу¹⁹.

Определялся и новый принцип «хлебных сборов» – с ревизской души. Отныне ежегодно после окончания жатвы с души необходимо было собрать озимых «не менее по полчетвертику и яровых по полугарнцу»²⁰. В результате исчезал существенный недостаток более ранних норм, в которых не учитывалось, что во многих губерниях России, особенно Европейского Севера отсутствовал точный учет крестьянской пашни. Здесь даже при составлении отчетов о посевах и урожаях хлебов в графе формуляра о площади запашки писали – «по неизмерению показать немочно» или «размеру земель в десятины никогда не бывало и затем показать невозможно»²¹. Это обстоятельство, конечно, вызывало сложности с определением размеров хлебных сборов. Поэтому в 1808 г. и в удельной деревне России ввели по душевой принцип накопления хлебных запасов²².

После Отечественной войны 1812 г. выяснилось, что на местах четкого исполнения правил о запасных хлебных магазинах так и не налажено. В ходе обсуждения этого вопроса с собственниками земли и крестьян (помещиками и удельным ведомством) в 1816 и 1819 годах правительство Александра I заключило, что опасность последствий от неурожая в России преувеличена, и нормы создания хлебных резервов излишне завышены. Было сделано и другое, не лишнее здравого смысла обобщение: в силу значительного своеобразия регионов и особенностей положения разных податных сословий огромной империи «буквальное» исполнение одинаковых и жестко регламентированных правил о запасных хлебных магазинах на местах «неудобно и затруднительно», в некоторых из них – невозможно. В связи с этим предполагалось заменить хлебные запасы «особым денежным капиталом», сформированным путем единовременного сбора со всех крестьян по 25 коп. асс. с ревизской души²³.

Однако сложности с обеспечением хлебом населения в неурожайный 1821 г. изменили планы правительства, хотя предыдущие намерения были учтены. По именным указам от 14 апреля 1822 г. в Европейской России и от 22 июля этого же года в Сибири создавались «губернские комиссии для продовольствия жителей»²⁴, которые по своему усмотрению могли сохранять запасные хлебные магазины или учреждать «денежный капитал». Первый путь избрали 40 губерний страны. В них полагалось «сбирать ежегодно по 4 гарнца на каждую ревизскую душу» и довести запасы зерна до 2 четвертей на душу (включая 0,5 четверти ярового). В других 12 губерниях за счет годовых сборов по 25 коп. асс. следовало накопить такую сумму средств, которой «в соображении с местными условиями» хватило бы на приобретение 1 четверти хлеба на каждую душу. При расчете указанной суммы в каждой губернии учитывались средние за предыдущие 5 лет цены на зерно. В 1824 г. в ведение губернских комиссий народного продовольствия были отнесены и городские хлебные магазины. С другой стороны, по-прежнему положения «о хлебных запасах», как и последующие подобные законы не касались «Грузии, Бессарабии и

¹⁷ ПСЗ РИ – 1. Т. XXIV. № 18082. С. 676-677.

¹⁸ Там же. Т. XXV. № 18448. С. 170-171.

¹⁹ Там же. № 19203. С. 895-899.

²⁰ Там же. С. 898.

²¹ Котов П.П. Вопросы изучения уровня земледелия в России конца XVIII – начала XIX веков на примере Европейского Севера // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 111-118.

²² ПСЗ РИ – 1. Т. XXX. № 23020. С. 256.

²³ ПСЗ РИ – 2. Т. XLI. Отделение 1. № 43240. С. 477.

²⁴ ПСЗ РИ – 1. Т. XXXVII. № 29000. С. 146-154.

колонистов горных». На особом положении находились также Лифляндская, Курляндская и Эстляндская губернии.

Изначально даже ряд высокопоставленных чиновников России выражали сомнения в эффективности обновленной системы, вытребованной для создания хлебных резервов на случай неурожая. В частности, в ходе, инициированной в 1827 г. главой удельного ведомства Л.А. Перовским «ревизии» выяснилось, что ни в одном запасном хлебном магазине удельных имений не накоплен положенный запас зерна – по 2 четверти на ревизскую душу. Мало того, чиновники пришли к выводу о невозможности создания нормативного запаса хлеба при существующих правилах его формирования – для этого нужно было 32 года «бездоимочного» сбора хлеба или 48 лет денежных сборов. Но крестьяне, обремененные податями и повинностями, не могли полностью и регулярно вносить хлеб и имели большие недоимки по этим статьям. Да и неурожай в рамках тридцати - сорокалетних периодов случались по 5 – 6 раз. Это послужило причиной для изменения принципа наполнения запасных хлебных магазинов в удельной деревне. В его основу положили общественную запашку. Под нее в 1828 – 1829 гг. была выделена лучшая часть крестьянской тягловой пашни. Весь цикл работ на общественной запашке проводился удельными крестьянами в качестве натуральной повинности²⁵. Одна доля собранного зерна ссыпалась в запасные хлебные магазины, другая – продавалась и 10% полученной суммы поступали в «хлебный капитал», остальные деньги распределялись между чиновниками в качестве вознаграждений. Такая практика функционирования сельских запасных магазинов в совокупности с созданием денежных накоплений просуществовала, с частными корректировками, до отмены крепостного права в удельной деревне страны в 1863 г.

Следует признать, что за счет сокращения крестьянской пашни и усиления эксплуатации населения в удельной деревне России удалось создать действенную систему накопления хлебных и денежных запасов на случай недородных лет. Так неурожай 1833 г. удельная деревня пережила без особых затруднений в отличие от помещичьей и казенной деревни. В последних хлебных резервов в запасных магазинах оказалось менее половины от необходимых потребностей, а в губерниях с «хлебным капиталом» средств хватило на покупку только трети надобного продовольственного зерна²⁶.

На сложившуюся ситуацию правительство отреагировало достаточно оперативно и вновь учло положительный опыт удельной деревни. Уже 5 июля 1834 г. издается «Высочайше утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствии», по которому для помещичьих и казенных крестьян вводились и хлебные, и денежные сборы²⁷. Во всех губерниях страны (за исключением упомянутых ранее территорий) этих крестьян обязали в каждом сельском обществе завести хлебные запасные магазины. В качестве дополнительных натуральных и денежных повинностей на крестьян возложили строительство, ремонт и охрану этих магазинов. Само собой, они должны были создавать и хлебные припасы, установленная норма которых, относительно 1822 г. снижалась до 1,5 четвертей на ревизскую душу (1 четверти озимых и 0,5 четверти яровых). Напротив, ежегодные душевые натуральные сборы возвышались до «получетверика озимых и 2 гарнцев яровых». Вскоре, по указам от 12 июля срок этих хлебных сборов в помещичьей деревне и от 25 июля того же 1834 г. в казенных селениях ограничили 16 годами²⁸.

Помимо хлебных взносов на помещичьих и казенных крестьян налагались и прямые денежные сборы по 10 коп. асс. на ревизскую душу, взимаемые ежегодно вместе с подушной податью. Общую сумму «хлебного (или продовольственного) капитала» предполагалось довести до 1,6 руб. на душу. В отношении городов законодатель ограничился лишь созданием «хлебного капитала», который следовало сформировать за счет выплат с мещан по 15 коп. асс. с ревизской души в течение последующих 20 лет²⁹. Тем самым государство отказалось от внедрения запасных хлебных магазинов в городах, оставив таковые лишь в городских поселениях Архангельской губернии.

²⁵ ПЗС РИ – 2. Т. II. № 1406. С. 819-821.

²⁶ Там же. Т. XII. Отделение 1. № 43240. С.477.

²⁷ Там же. Т. IX. Отделение 1. № 7253. С.691-705.

²⁸ Там же. № 7272. С. 718-725; № 7300. С.787-797.

²⁹ Там же. № 7253. С.693; № 7272. С. 720; № 7300. С. 788.

В связи с отменой в 1839 г. ассигнаций и переходом на серебряный рубль, затем и на приравненный к нему кредитный рубль изменились и нормы «хлебного капитала». Его душевая сумма определялась на селе в 48 коп. серебром (далее – сер.) путем ежегодных сборов по 3 коп., в городах – в 1 руб. при взносах по 5 коп. в год³⁰.

Непосредственный контроль по исполнению законов 1834 г. возлагался на губернские комиссии продовольствия, предводителей дворянства и земскую полицию. Они же совместно с крестьянским «миром» распоряжались запасами хлеба. Эти запасы из конкретных сельских магазинов использовались на нужды только тех крестьян, которые были «прикреплены» к таковым и вносили в них ежегодные натуральные взносы. Иные подходы действовали относительно «продовольственных капиталов». Их, строго с разрешения правительства, местные власти могли употребить в интересах населения любой части или всей губернии.

В 1839 г., после создания министерства государственных имуществ в его ведение передавались все сельские хлебные запасные магазины и «продовольственные капиталы» казенной деревни. Законом от 16 марта 1842 г. правила их формирования были скорректированы. Прежде всего, вдвое умножались ежегодные душевые взносы – натуральные до 1 четверика озимых и 4 гарнцев яровых, денежные до 6 коп. сер. Правда, при достижении положенной нормы хлебов в запасных магазинах по 1,5 четверти на ревизскую душу и средств «продовольственного капитала» по 48 коп. сер. соответствующие годовые душевые сборы наполовину сокращались, т.е. возвращались к уровню 1834 г. Как только запасы становились менее установленного уровня душевые взносы вновь удваивались. Кроме того, по новым порядкам государственные крестьяне получили право пополнять запасные магазины мукой (ранее это запрещалось) и зерном с общественной запашки³¹. Однако попытки внедрения последней в 1840-х годах в государственной и помещичьей деревне, в отличие от удельной деревни не увенчались успехом и были свернуты.

После 1842 г. активность законодателя по усовершенствованию комплекса мер, направленных на преодоление последствий от неурожая в стране прекратилась. Выработанные к этому времени правила формирования хлебных и денежных запасов он считал достаточными и эффективными и не изменял их до отмены крепостного права. В ходе буржуазных реформ в России эти правила отменялись, и функционирование хлебных запасных магазинов было изменено, что требует специального исследования.

Обратим внимание еще на два сюжета, связанных с историей сельских хлебных запасных магазинов и отраженных в законодательстве конца XVIII – первой половины XIX в. Во-первых, строения под запасные магазины крестьян обязывали возводить из своего леса. Если такового в распоряжении крестьян не было, тогда материал разрешено было заготавливать «в казенных лесных дачах», правда, без «попенных денег», т.е. по льготной цене. Подобные правила действовали и при ремонте хлебных магазинов. Во-вторых, в случае необходимости, крестьяне могли получить хлеб из созданных ими же запасов только в ссуду и под поручительство (с согласия) сельского общества. Ссуда подразумевала увеличение долга на 6% за каждый год, что, вероятно на практике далеко не всегда выполнялось и достаточно специфически проявлялось в среде разных категорий российского крестьянства. Во всяком случае, в 1857 г. выяснилось, что в 5 удельных имениях России, в том числе и северных, проценты с заемщиков взыскивались только в размере годовых, даже если ссуда не возвращалась несколько лет. Департамент «строго указал» взимать проценты за каждый год отдельно, но разрешил не взыскивать их, если хлебный долг возвращался из первого урожая³².

Таким образом, анализ законодательных актов показывает, что в течение длительного времени в России разрабатывались критерии по формированию хлебных и денежных запасов на случай неурожайных лет. Правительство ассоциировало в качестве их ядра сельские хлебные запасные магазины. Выработка норм основания этих магазинов прошла в несколько этапов. В первой половине XVIII в. верховная власть скорее декларировала идею создания хлебных запасных магазинов и, по сути, ограничилась попыткой налаживания информации о состоянии с продовольствием населения в регионах. Затем,

³⁰ ПЗС РИ – 2. Т. XLI. Отделение 1. № 43240. С. 477.

³¹ Там же. Т. XVII. Отделение 1. № 15386. С. 176-184.

³² РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2248. Л. 23-27, 53.

во второй половине XVIII в. государство отказалось от идеи финансирования строительства запасных магазинов. С другой стороны, оно обязало владельцев земли и крестьян выработать правила организации хлебных резервов и их создание за счет податного населения. Провал этой инициативы изменил подходы центральной власти к назревшей проблеме. На третьем этапе, в конце 1790 – начале 1820-х годов она вырабатывает относительно четкие и унифицированные правила о хлебных запасных магазинах и жестко требует их исполнения. Четвертый этап ознаменовался отказом законодателя от единых правил по созданию продовольственных запасов. Постепенно, наряду с требованием формирования собственно хлебных резервов вводится и норма накопления определенных денежных средств – в рамках «хлебного (иначе – «продовольственного») капитала». При этом, все эти правила и нормы имели заметную специфику у разных категорий податных сословий – мещан, удельных, помещичьих и государственных крестьян.

В статье не ставилась цель осветить практику исполнения принятых законов. Естественно, их реализация далеко не всегда соответствовала требованиям. Известно, что в начале 1860-х годов во многих запасных магазинах государственной деревни отсутствовало до половины и более положенных запасов зерна. Еще большие недостатки обнаружались у помещиков, а в некоторые имения даже ко времени отмены крепостного права не были созданы хлебные запасные магазины. Более благополучная ситуация наблюдалась в удельной деревне. Приведенные факты дополнительно актуализируют необходимость дальнейшего изучения затронутой проблемы.

CROP FAILURE GRANARIES ACCORDING TO RUSSIAN LEGISLATIVE SOURCES OF THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

P.P. KOTOV

Syktuykar State University

e-mail: kotovpetr55@mail.ru

The article, on the basis of legislative acts, shows the appearance in Russia of crop failure granaries. The author reveals that these granaries were created for a long time and their system had acquired relatively clear outline only in the late 1820s – early 1840s. The article tells that crop failure granaries had their own specific features of functioning for every taxable estate in the country.

Keywords: crop failure, crop failure granaries, grain contributions, grain capital, food capital, public ploughing.